

А. А. Савинцев

«Эксперимент» на экране в контексте экспериментального разума

Экспериментальный кролик может
позволить себе практически все

Д. Опольский

Все мы осознаем, что современный мир более чем нераздельно связан с информационными технологиями. Нашу жизнь нельзя представить без СМИ, киноиндустрии, Интернета. Это некий симптом, по которому можно было бы судить и о времени, и о нас самих. В данной работе будет идти речь о немецком фильме 2001 года «Эксперимент» режиссера Оливера Хиршбигеля (Oliver Hirschbiegel, "Das Experiment"). Фильм начинается с того, что за определенную плату набираются добровольцы для некоего эксперимента. Впоследствии оказывается, что это ролевая игра, в которой часть участников будет играть заключенных за решеткой, а остальные — надзирателей. На две недели эти люди должны забыть о своих правах и об обычной жизни. Цель эксперимента — изучение ролевого поведения в группе, формирования отношений власти. Мы в свою очередь рассмотрим этот фильм как порождение современного кинематографа, с точки зрения его культурных, философских предпосылок, о которых попытаемся сделать некоторые выводы.

Прежде всего, заслуживает внимания вопрос о том, что в сущности представляет собой эксперимент, отраженный в фильме. Как он связан с экспериментом эпохи Нового времени, что унаследовал и чем отличается от последнего? Совершенно очевидно: есть точки соприкосновения, но есть и различия. Многие меняются в силу того, что с некоторой точки зрения этот эксперимент — ролевая игра, которая развивается к тому же во многом благодаря камерам, экранам, съемке. Вопрос о наблюдателе, таким образом, также дает о себе знать, не говоря уже о статусе субъекта и субъект-объектных отношений. Применима ли вообще такая формулировка? Кто в данном случае является субъектом? Можно ли говорить об эксперименте вообще, учитывая как классичес-

кий, так и современный варианты? Все эти вопросы представляют немалый интерес.

Как меняется статус эксперимента? На первый взгляд, перед нами типичное воплощение экспериментального разума, его законное продолжение, правда, слегка утрированное. Хотя по факту до конца это мероприятие не довели, выявление некоторых черт все же возможно.

Как уже было сказано, эксперимент поворачивается к нам совсем другой стороной в силу ситуации игры и присутствия такого, весьма современного, явления, как камера наблюдения. Последние две компоненты во многом взаимосвязаны. Вспомним, что для охранников не составляло особого труда вжиться в роль, чего нельзя сказать о заключенных. Это, вроде бы, понятно: идентифицировать себя с вооруженным охранником гораздо легче и приятней, чем с униженным за решеткой. Очевидно, поэтому-то последние себя успокаивали тем, что происходящее — всего лишь игра. Но что это значит в данном контексте?

Когда главного героя предупреждают о том, что ему будут предоставлены особо экстремальные условия в эксперименте, он с невозмутимым видом заявляет, что будет вести наблюдение, за ними будут смотреть, а значит, ничего страшного не произойдет. Уверенность в собственной безопасности, в том, что ситуация игровая, обеспечивается в данном случае именно наличием камеры наблюдения. Однако ситуация оказывается двоякой. С одной стороны, сам эксперимент продвигается благодаря внешнему наблюдению со стороны ученых и частично охранников, с другой — события разворачиваются таким образом, что камера никого и ни от чего не спасает. Более того, герои фильма, осознавая, что за ними наблюдают, порой отваживаются на различные действия, продвигающие ситуацию к абсурдному концу. Другими словами, камера оказывается провоцирующим фактором. Здесь, конечно же, срабатывает присущая современному масовому человеку склонность к эксгибиционизму, доходящая порой до предела в различных реалити-шоу. Почему эти люди так мечтают в них поучаствовать? Очевидно, реальность как раз и обеспечивается, доказывается тем, что человека будут показывать. Осознание реальности, подлинности происходящего обеспечивается наличием экрана.

Стало быть, в тот момент, когда вместо линейки или амперметра появляется камера, сам эксперимент становится другим. Сразу же ускользает субъект как фигура некоего стороннего наблюдателя, тем более, что наблюдение изначально ведется за людьми, традиционными носителями статуса субъекта. Ясно, что не наблюдает в полной мере и профессор со своими сотрудниками. В данном случае выходит, что наблюдатель, затронутый менее всех, — это сам экран. С ним ничего страшного не происходит, это чистый наблюдатель, который, однако, также может быть дезинформирован: наблюдаемое иногда скрывается из поля видения, объект любит скрываться. Видимо, субъектность переносится к зрителю, который обладает статусом наблюдателя по отношению ко всему происходящему: от него не скрывается ничего из показанного в фильме и, казалось бы, ничего не затрагивает. Можно сказать, что здесь мы имеем перед собой странных существ, бывших субъектов, утративших неприкосновенность, ни субъектов, ни объектов, а тех, кто под влиянием массового сознания и современных технологий еще не определился.

Самое очевидное отличие нововременного эксперимента от того, который изображен в фильме, состоит в том, что субъект-объектные отношения не допускают, что человек может быть объектом эксперимента, иначе он будет предметом. Но тогда это не человек, а тело, часовой механизм. Эксперимент в классическом виде просто не мог себе позволить наблюдать человека в живом состоянии: нельзя наблюдать субъект, он сам наблюдатель. За человеком традиционно закреплен статус субъекта, он может (и должен) быть непредсказуемым. Это не шарик, брошенный с башни. Что же получится, если экспериментировать с человеком? Прежде всего, это возможно только в ситуации отношения к людям как к типам, в ситуации, когда можно описать людей объектным языком, придать им предсказуемости. Собственно, результат такого эксперимента — формирование гуманитарных наук и гуманитарного сознания. Но все же человека от шарика нечто отличает. Это личная заинтересованность, некая самость. Человек даже в состоянии объекта обладает характеристиками, отличными от шарика: он все-таки может испытывать, воспринимать, меняться в зависимости от восприятия, тогда как шарик просто дан, если вообще не сконструирован, энту-

зиазмом не обладает. А энтузиазм объекта обычно ведет к провалу эксперимента, если, конечно, он непредсказуем. Другими словами, инициатива наказуема лишь в случае, если она не ожидается.

Итак, можно сделать вывод, что эксперимент в современном виде имеет отличительную особенность — наблюдение посредством камеры. Последнее оказывается необычным аналогом подзорной трубы Галилея или аппарата для отслеживания траектории движения элементарных частиц. Это особый инструмент, опосредующий наблюдение (а стало быть, и эксперимент) и тем самым делающий и то, и другое возможным. Подобно научным приборам камера позволяет (но это вовсе не обязательно) запечатлеть то, чего не видно обычным взором, чего нет в повседневности. Таким образом, то, что фиксирует камера, есть не что иное, как объективное зрение.

Вспомним кадры из фильма. Когда жестокость и самоуправство охранников достигло своего предела, все заключенные, избитые и с заклеенными ртами, молча стоят и смотрят в камеры видеонаблюдения. Интересен также момент, когда один из заключенных кричал в камеру о нарушении прав человека и о том, что будет жаловаться. Для них эти камеры по сути — последняя надежда. Это единственный источник спасения, справедливости, объективности. Стало быть, в данной ситуации (и в ситуации эксперимента вообще) проводится некая аналогия объективного с божественным. Интересен также факт, что охранники, переходя рамки дозволенного, прикрывали камеры или выключали свет, пытались избежать ответственности путем избегания наблюдения. Такие действия кажутся довольно состоятельными и осмысленными, но лишь в глазах современного цивилизованного человека. Представим, что в такое положение за решеткой попал житель африканского племени в набедренной повязке. Его первой и последней мыслью будет мысль о бунте, побеге, драке, но никак не о речах перед маленькой коробочкой, висящей под потолком. В конечном счете, заключенные так и поступают, когда видят, что те, кто за ними должен наблюдать, сидят рядом с ними, в соседних камерах, и помощи от них уже не дождаться. Возможно, если бы они думали, что кто-то еще ведет наблюдение, контролирует эксперимент, они так и продолжали

бы молча смотреть в камеры. Но вот последний наблюдатель попадает на глаза, и люди превращаются в крыс в лабиринте. Они, кажется, утрачивают разумность: начинаются убийства, резня. Казалось бы, из-за чего? Это же игра, инсценировка, эксперимент. Почему его участники не смогли (или не захотели) вернуться на уровень безобидной ролевой игры? Почему в нужный момент они не вспомнили, что это лишь игра, что на самом деле они никакие не охранники и заключенные? Было ли это вообще возможно? С большим энтузиазмом участники восприняли идею профессора о том, что нужно не играть, а быть. Все приняли свою общность, отождествились, стали держаться за свою обособленность, самоидентификацию, хотя совсем недавно сидели вместе на тренингах и вели милые беседы: «Охранник? Повезло». Слишком легко было играть вначале, и почти невозможно оказалось остановиться в конце. Игра оказалась реальнее и насущнее любой повседневности.

Возможно, в этом и проблема. Настоящий охранник в тюрьме и человек, играющий охранника, — все же разные люди. Первый не станет без причины избивать заключенного, так как сам в этом случае может понести наказание. Здесь же он знает, что можно применить силу, если что не так — профессор скажет, но не более. Действие превращается в игру, а не в жизнь, но игра эта весьма странная, веселой ее не назовешь. Ведь в итоге стреляют даже во внезапно появившегося профессора, попытавшегося привнести порядок, остановить эксперимент. Уж в него-то за что? Такое неразумное, животное поведение хорошо сочетается с поведением человека, который уже не знает, во что верить и на что надеяться.

Говоря о ситуации с профессором, нужно отметить присутствие идущей еще со средних веков и легитимированной культурой черты, а именно - безопасности наблюдателя. Очевидно, он и его коллеги были уверены, что безопасность рядом с большой группой негативно настроенных людей им гарантирована. Экспериментаторы также не подозревали об опасности, как и участники этого мероприятия. Они были уверены в том, что статус ученых, исследователей гарантирует полную неприкосновенность. Но все-таки охранники и заключенные — это не металлические шарики и наклонная плоскость. Субъект и объект перемешались, механизм экспе-

римента изменился, а ощущение незатронутости (некий отблеск автономности) осталось. Интересно, что аналогичным образом позиционируют себя в наше время и журналисты, работающие в горячих точках, в различных опасных ситуациях с уверенностью в своей защищенности. Причем защищенность обеспечивается камерой так же, как раньше, например, обеспечивалась рясой священника.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о значимости камеры, о том, насколько она важна и реальна. Можем ли мы говорить, что реальность, создаваемая камерой, является эфемерной, ложной, вымышленной? Очевидно, это было бы столь же наивно, сколь и утверждение о несостоятельности нововременного экспериментального разума в плане достижения последней истины, коль скоро современный, связанный с культурой масс-медиа эксперимент является преемником классического. Как и сотни лет назад, эксперимент создает реальность, ее создают средства масс-медиа, в которые приходится верить.

Нужно отметить, что участникам эксперимента в некоторой степени было заранее известно о рискованности этого предприятия. Тем не менее, они согласились. Но почему именно они? Чем эти люди отличны от других, или что их толкает на участие в подобных мероприятиях? Средства массовой информации изобилуют различными акциями, экспериментами, и находятся люди (порой одни и те же), которые охотно идут на них и тем самым зарабатывают себе на жизнь. Кто эти люди? В фильме они объясняли свое участие в эксперименте либо нехваткой денег, либо тем, что им просто интересно. Первое — неудачи в финансовом плане, второе — недостаток общения, ощущений, интереса в жизни. Другими словами, люди решаются на такой шаг по той причине, что чем-то не могут себя обеспечить.

Такой же механизм набора участников работает и в разного рода реалити-шоу. Ведь это тоже эксперимент, в поле которого формируются властные структуры, лидеры, аутсайдеры, борьба. Почему эти шоу так популярны, вызывают такой интерес особенно среди молодежи? Люди с нехваткой в личной жизни, в общении — тоже люди, которым хочется заявить о себе, показать, увидеть себя, быть центром чьего-то внимания, хочется просто быть. Чтобы быть, нужно быть

увиденным, причем увиденным камерой. Ситуация явно схожа со средневековой, когда нужно было быть увиденным Богом. Если Бог меня созерцает (и одновременно творит), значит, я есть — так удивительным образом перед нами всплывает старый европейский механизм самоидентификации.

И действительно, масса проектов, таких как «Стань звездой», «Фабрика звезд» и прочие, вызывают небывалый интерес. Человек, принимая в них участие, надеется стать звездой, почувствовать себя, что в данном случае одно и то же. И ничто его не останавливает, он выступает с чем угодно, говорит о личной жизни, о проблемах, которые, казалось бы, не следует афишировать. Но это уже не важно, главное — испытать, получить свидетельство, доказать самому себе, что ты наконец-то есть. Нужно отметить, что подобная опора именно на зрительный образ в деле самоидентификации присуща европейской культуре в целом, причем на разных временных промежутках. Вспомним, что сотни лет назад аристократ, состоявшийся человек тем отличался от плебея, что имел в своем доме зеркала, различные портреты, то есть он имел свое изображение, фактически имел себя, доказательство своего бытия. И в наше время потребность в собственном изображении у людей чрезвычайно велика. Сложно встретить человека, у которого нет зеркал и фотографий. Пусть это даже не личный альбом, а черно-белая затертая карточка или зеркальце в косметичке. Стоит ли говорить о том, что каждый второй сотовый телефон оснащен камерой или фотоаппаратом. А какой праздник, какое знаменательное событие обходится сегодня без съемки, фотографий и смонтированных фильмов? Если последних не имеется, значит, не было события, просто рассказать — никто не поверит. «Какой же ты отец, если у тебя нет фотографии своей дочери?» — иронично спрашивают в начале фильма «Эксперимент» у одного из охранников. Выходит, свою жизнь необходимо засвидетельствовать для того, чтобы она была. Причем сделать это нужно для кого-то, чтобы другой посмотрел и помог тем самым человеку самоидентифицироваться, почувствовать себя самодостаточным.

И все же вернемся к самому эксперименту. Какова его цель? В фильме прямым текстом говорится, что это выяснение механизмов формирования власти, складывания власт-

ных отношений. Что же представляет собой власть в данном случае? Кто ее осуществляет и при помощи чего? Попытаемся разобраться.

Мы понимаем, что люди, шедшие на этот эксперимент, не могли догадываться ни о чем. Более того, они даже не знали друг друга. Тем не менее, определенные личности заняли вполне определенные позиции. И не случайно то, что среди них оказались две противостоящие фигуры: охранник и заключенный. Это вполне нормально и ожидаемо. Но кто занял эти позиции? Почему именно они откликнулись на этот призыв ситуации, именно на них сработал механизм интерпелляции?

Главный охранник, несмотря на свою жестокость и маниакальность, в обыденной жизни, казалось бы, проявляет себя как вполне нормальный индивид, как, впрочем, и все остальные: у большинства из них есть работа, семьи, дети. Однако зритель сразу понимает, что этот человек — неудачник, тот, кто явно недоволен жизнью, обижен на судьбу. Его ведь не просто так оскорбили в начале фильма, оскорбили не на пустом месте. А он еще и оскорбился, продемонстрировал свою забитость, что не похоже на поведение уверенного в себе человека. Почему неудачник в обиде на судьбу? Она не предоставила ему шанса проявить себя. Если бы шанс был, успех и благополучие давно были бы в кармане. Так считает неудачник, который теперь наконец-то получил возможность проявить себя. Когда среди охранников встает проблема усмирения заключенных, приведения их к повиновению, он тихо и осторожно предлагает свою идею и тем самым занимает место главного угнетателя: «Мы должны их унижить». Таков один из механизмов власти — унижение. Ведь человек в страхе и с подавленной волей легко поддается управлению. Видимо, персонаж, давший этот рецепт, хорошо знает об унижении и о том, как его применять для распространения власти. Хоть он и поясняет, что где-то прочитал об этом, лицо и горящие глаза говорят о другом. И как ни странно, именно он сумел убедить коллег в своей правоте, занять эту гитлеровскую роль.

Интересным образом и главный герой фильма также занимает позицию ведущего заключенного-бунтаря. Это, конечно, можно объяснить наличием у него задания — быть

провокатором, а впоследствии получить деньги за статью в газете. Но что чему логически предшествует: провокаторство в газете или бунтарская закваска в самом человеке? Он весьма органично вписывается в данную ситуацию, заранее для нее подходит. Не зря в фильме то и дело говорится о трудном детстве этого героя, о его юношеских конфликтах с отцом, явным носителем власти. Даже не будь наш журналист журналистом, он просто психологически не может удержаться от того, чтобы устроить бунт. Этот человек даже не просто восстает против проявлений «несправедливой» власти, он мгновенно, изначально становится на роль оппозиции как таковой.

Как именно осуществляется процесс унижения в эксперименте? Сразу бросаются в глаза различные манипуляции, производимые с одеждой заключенных. Собственно, все мероприятие начинается с действия, не имеющего логического объяснения, — с переодевания. Казалось бы, а что если их оставить за решеткой, но в обычной одежде? Но эти вещи забираются, и выдаются специальные рубашки, которые впоследствии становятся не просто объектом внимания, а очень важным символом. Эту форму либо отбирают (для унижения), либо придумывают вещи и похуже. Пониженного охранника и ученых, которых решили запереть, также заставляют переодеться. Ясно, что это не просто другая одежда, какая-то специальная форма, а одежда, которая унижает. Ничем не объясняется (да и не может быть объяснено) то, что заключенные в фильме разгуливают без штанов. Даже женщине-ученому не удалось избежать этой участи, этого механизма гендерного угнетения. Это действительно такая одежда, надев которую, человек будет чувствовать себя крайне некомфортно, особенно в присутствии многих почти незнакомых людей. Процесс унижения осуществляется через тело. На некотором бессознательном уровне в обществе закреплено, что закрытость или открытость тела — это лакмусовая бумажка благополучия человека. Казалось бы, мелочь, какая-то там одежда, но ведь это реальность каждой тюрьмы и, более того, каждой больницы. Сами переодеваемые начинают ощущать себя по-другому, подвергаясь действию этого маленького механизма власти.

Далее, для тех же целей заключенным даются личные

номера и запрещается называть друг друга по именам, тогда как у каждого из охранников имя написано на блестящей ламинированной табличке на груди. Но одного имени недостаточно: обращаясь к охраннику, нужно говорить «господин тюремный надзиратель». Изначально пронумерованные заключенные и охранники, каждый из которых трижды великолепнейший, обозначены как чужие по отношению друг к другу, как высшие и низшие.

Если суммировать вышесказанное, то власть осуществляется одновременно посредством механизмов унижения и наблюдения. Позиция наблюдателя ведь также предполагает концентрацию власти. Правда, как мы выяснили, сложно четко определить субъект наблюдения в силу необычности самого эксперимента, а значит, не менее сложно определить и субъект власти. Ведь в данном случае это один и тот же субъект, самодостаточный, незатронутый, как бы вездесущий. Конечно, охранники находились в двусмысленном положении, ведь наблюдали и они, и за ними. Но это не удивительно: быть охранником, служащим — значит подчиняться и олицетворять власть для кого-то. Должна быть иерархия. Даже в момент, когда надзиратели стали хватать ученых и сажать за решетки, они оправдывались, даже гордо заявляли, что выполняют задание профессора, вот он вернется и будет ими гордиться. Не сама структура пространства эксперимента была предметом их недовольства, а ученые, которые начали колебаться, проявлять неуверенность. Стало быть, их следует устранить для чистоты эксперимента и, что самое главное, для сохранения незатронутости, автономности стороннего наблюдателя.

Однако есть еще один момент, связанный с вопросом власти и ее механизмов. В фильме присутствует один персонаж, обладающий автономностью, возвышающийся над остальными своим пониманием ситуации, то есть обладающий некоторой властью. Речь идет о военном летчике, заключенном, товарище главного героя. Он явно знает правила, знает что делать, как себя вести, чтобы занять максимально удобную позицию, сохранить себя: не привлекать внимание, не заступаться. Не было моментов психоза с его стороны, хотя последнее весьма характерно для остальных участников. Таким поведением он обеспечил себе, во-первых, позицию наблюдателя (причем изнутри системы), а во-вторых, власт-

ность своей фигуры. В результате ему фактически удалось выйти оттуда не только живым и невредимым (что уже много и чего большинству сделать не удалось), но с незамутненным сознанием и со сравнительно чистой совестью.

Возникает мысль: ну попались профессору такие люди, а могли бы попасться другие. Что бы тогда было? И вообще, все это хорошая работа создателей фильма. Дело в том, что когда Галилей катал шарики по наклонной плоскости и добывал тем самым разного рода знания, то это были знания не о шариках и подручных средствах Галилея, а о силах. Приборы и материалы что-то обозначают, в основном, силы, знание которых может быть применено впоследствии где угодно, ведь это объективное знание. В ситуации с экспериментом мы имеем фактически то же самое: есть структура, в которую что-то помещается, и структура начинает работать. Только в данном случае перед нами не стол в лаборатории, а экран телевизора, вместо шариков берутся люди, а структура - структура власти. Выходит, что важны не личности с их внутренней жизнью и предьсторией, а важна типизация, то, как различные типы людей ведут себя и организуют сообщество с его структурой.

Тогда справедливый вопрос: носитель рациональности, ученый, кто он, если допускает такие вещи? Насколько люди, которые попадают в эти ситуации (или организуют их), знают, к чему это приведет? Насколько разум в состоянии контролировать себя и свои границы?

На заре своего существования (в эпоху Нового Времени) эксперимент выделялся той своей особенностью, что подразумевал создание особой, экспериментальной ситуации. Последняя состоит из элементов естественной и искусственной природы, а ее целостное функционирование и выступает в качестве объекта исследования. Создав такую установку, исследователь изучает ее функционирование, влияет на нее различными путями, то есть активно изменяет объект изучения, его структуру. Наблюдая за возникающими следствиями, ученый выявляет скрытые от непосредственного наблюдения свойства предметов и явлений. Но для нас сейчас важно то, что эта искусственно сконструированная ситуация расценивалась мыслителями того времени как близкая к моменту божественного творения. Отсюда их стремление изба-

вить пространство эксперимента от любых погрешностей, от всего несущественного и случайного, ограничиться лишь чистыми формами. Эксперимент — это не просто конструкт, но конструкт очень «качественный», единственный в своем роде, позволяющий взглянуть на мир в момент творения, увидеть объективное знание. Конечно, даже такая степень уподобления творцу не могла не вызвать недоверие церкви к экспериментальной науке и тем самым поставить вопрос о легитимности соответствующего метода исследования.

К чему же этот метод пришел? Ситуация с экспериментом, описанным в фильме, и вообще любое экспериментирование с людьми несомненно наталкивается на вопрос о законности подобных опытов. Даже если на начальном этапе это мероприятие вполне безобидно и оправдано, то конец его настолько неприемлем и непредсказуем, что чудом выжившие инициаторы подвергаются как юридическому преследованию в фильме, так и жесткой критике зрителя. Этот эксперимент выявляет нечто, что резко противоречит обычной жизни, согласующейся с законами. Он оказался незаконным, хотя ученые думали, что сумеют удержать его в рамках законности, надеялись, что смогут все остановить. Они, кажется, даже не допускали мысли о том, что остановиться становится все сложнее и сложнее. Даже когда было видно, что грань законности переступается, эксперимент все равно продолжался. Судя по всему, в любой экспериментальной ситуации (даже если она не связана с опытами над людьми) есть доля риска. Человечество знает немало объектов исследований, опасных для наблюдателя: от пороха до радиоактивных веществ. И опытное познание так или иначе наталкивается на вопросы безопасности и легитимности: а стоит ли эксперимент того, чтобы его проводить? Субъект эксперимента потерял статус суверенности: никто себя не может считать субъектом в полном смысле слова. Профессор (казалось бы, явный субъект) лишь надеется, что является таковым, хотя в конце концов все оказывается совсем наоборот. Никто не застрахован в пространстве эксперимента, если даже порох может взорваться. А в нашей ситуации исследование как раз и рассчитано на неожиданный разворот событий, иначе оно просто не имеет смысла. Отсутствие неожиданных, сенсационных данных равносильно провалу. «Пока есть только то,

что мы ожидали», — так сам профессор демонстрирует эту установку. Но провала быть не должно, ведь эксперимент стоит денег, а успех в исследовании означает инвестиции.

Выходит, эксперимент как таковой уже подразумевает риск. А не придется ли отвечать за гордыню, желание взглянуть на мир глазами Бога? Не придется ли испытать на себе физическое и психологическое давление, оказанное на подопытных людей? Не зря фильм называется просто «эксперимент», а не «неудачный эксперимент над людьми», например. В сознании современного обычного человека эксперимент всегда уже несет с собой что-то плохое, потенциально опасное: лабораторные и генные мутации, например, которые так популярны и чрезвычайно широко используются в индустрии разнообразных фильмов, книг, игр. Сюда же относится эксперимент массмедийного характера, в рамках которого население целой страны может на протяжении долгого времени обманываться средствами массовой информации. В такой неприятной ситуации о вкладе в науку говорить не приходится. О нем обычно говорит лишь сумасшедший ученый в последних кадрах.

Вообще интересен образ сумасшедшего ученого, созданный киноиндустрией. Каждый из нас при упоминании о нем представляет слегка неряшливого человека со стоящими дыбом волосами и глазами навывкате. Что скрыто за этим образом? Зачем ему быть сумасшедшим? Очевидно, он такой, потому что не боится поставить эксперимент, который заведомо рискован и неизвестно, к каким результатам приведет. Видимо, в этом образе также живет историческая привычка считать сумасшествие инстанцией, транслирующей некую истину.

Но обратимся к фигуре ученого, показанного в фильме. Она, несомненно, вызывает интерес. Существуют стереотипные образы ученых различных эпох: средневековый схоласт, нововременной Галилей или Ньютон, неопрятный и «сумасшедший» ученый начала XX века, таинственный Николо Тесла. В данной ситуации мы имеем совершенно другой тип ученого. На первый взгляд, этот человек мало чем отличается от простого обывателя, но затем сквозь его уверенность в себе можно четко разглядеть неподдельный цинизм, цинизм как насмешку над ценностями, в данном случае, в пользу науки. Ученый исследует возникновение и работу отношений гос-

подства и подчинения, ролевое поведение в группе, он продвигает науку и тем самым преследует вполне рациональную цель. Видимо, это симптом нашего времени: ученый, носитель рациональности, в принципе не может не быть циником, иначе он уже немного Галилей или Декарт, что на нашего ученого отнюдь не похоже. Чем дольше в фильме продолжается эксперимент и чем дальше он заходит, тем отчетливей наступает пик проявления наклонностей профессора, тем более становится понятно, что он сам получает удовольствие, что именно к этому он и стремился. Видно, что его интересует не сама власть как явление, а именно элемент насилия и унижения, грубого и жесткого.

Можно сказать, что на данном примере мы можем видеть такую вещь, как крах Просвещения. Какие задачи преследовал профессор? Привнести свет разума в ситуацию с возникновением власти, смоделировать и изучить феномен агрессии, естественно, с тем, чтобы потом полученные знания применить и этой агрессии впредь избежать. В этом смысле профессор — типичный просвещенец (или психоаналитик). Однако вся беда в том, что он пытается наблюдать, но не видит. Все самое интересное он пропустил, просто отсутствовал. И это не просто блажь режиссера, а иллюстрация той мысли, что даже если бы он и был рядом, то все равно был бы не в состоянии остановить процесс. Наблюдать эксперимент у профессора получается, но лишь отчасти, и никакого позитивного результата достигнуто не было. Зато модель он воспроизвел, правда, смысла не извлек (возможно, о последнем будет время подумать в больнице или в тюрьме). Так или иначе, разум оказался не в состоянии в принципе разобраться в ситуации, остановить механизм, им же запущенный. У него нет для этого подходящего арсенала. Весьма показателен момент, когда участники эксперимента ввели в него наблюдателей. Эксперимент их поглотил. Печальный итог: разум вообще не способен остановить все то, что он начинает, пусть даже у этого начала благие намерения. Какими бы гуманными они не были, результат может быть самым ужасным. Ведь именно в рамках либеральной демократии разум разродился такой идеей как фашизм.

Примечательно, что данный фильм создан в Германии. Это попытка оправдать суровую реальность, в которой с каж-

дым может случиться то, чего он не ожидает. Участники эксперимента — обычные люди, такие же, как все. Все способны на жестокость, какими бы хорошими они ни были. Казалось бы, заключенный изначально плох, равно как и охранник изначально хорош. Но в данном случае преступлений никто не совершал, наказывать людей не за что, и оправдание охранникам найти невозможно. Это фильм-вопрос, который каждый человек должен задать самому себе: откуда появляются фюреры? Как мы, люди, можем сознательно прийти к тому, к чему пришли? Как разум может задаваться подобными вопросами, если он сам себя дискредитировал?

Как мы видим, фильм «Эксперимент» весьма симптоматично показал многие особенности нашего времени и свойства человека вообще, который оказался глубже и сложнее, чем это могло показаться на первый взгляд. Стоит отметить, что подобный эксперимент действительно проводился в США в начале 70-х годов. Развивался он так же, как и в фильме, но при первых проявлениях агрессии его все же удалось остановить и избежать тем самым кровопролития. В реальной жизни организаторы оказались менее наивными, готовились к худшему и не прогадали. Но ценность фильма как мысленного эксперимента от этого не уменьшается. Он показывает нам человека с обратной стороны, на которую многие не осмеливаются взглянуть.